

на найденных однажды формулах, и он повторяет их с маниакальным упорством не только в процессе развернутой в целый роман проверки-осмысления, но и в самом конце — и по дороге в полицейский участок, и на каторге.

Одна, но пламенная страсть — жажда и невозможность реванша — жжет Раскольникова. Одно и то же слово в нескольких вариантах твердит он на протяжении романа. Одними и теми же интонациями озвучен его внутренний голос. Монологическое слово, обращенное к слушателям, может звучать иначе: «резко, спокойно, точно, ясно, твердо» (6, 309) — так охарактеризована его обвинительная речь на поминках, объясняющая подлую провокацию Лужина, так же спокойно, внятно, обстоятельно излагал он свою теорию Порфирию Петровичу, но каждое такое эффектное публичное выступление оплачено внутренним напряжением и последующим усилением смятения, обращающегося в новый каскад вопросов, самооправданий, самообвинений и самоистязаний.

Заметим, что финальное прозрение практически лишено субъектного начала — оно дано через объективное повествование и по сути своей является закруглением, снятием темы, началом того «нового рассказа», который обещан, но не состоится.

Если «прямое» слово Раскольникова равно самому герою и в каждый конкретный момент отражает его душевное состояние и ход его мыслей (попытки притворяться — как например при первом появлении у Порфирия Петровича — слишком нарочиты и несостоятельны), то слово Базарова чаще всего такой однозначной представительностью не обладает.

Во-первых, потому, что Базаров, по его собственному признанию, «не привык высказываться» и не стремится сделать чужим достоянием свои мысли и планы даже в разговоре с женщиной, чьим вниманием очень дорожит: «Выйдет случай что-нибудь сделать — прекрасно, а не выйдет — по крайней мере, тем будешь доволен, что заранее напрасно не болтал».¹² Для сравнения: «...я слишком много болтаю, — упрекает себя Раскольников. — Оттого и ничего не делаю, что много болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю» (6, 6). Осуществив свое чудовищное *дело*, «болтать» он не только не перестал, но, можно сказать, окончательно превратился в слово, теперь уже адресованное не только себе самому, но и материализовавшимся «двойникам» и новым оппонентам.

Во-вторых, если Раскольников все окружающее подчиняет себе, окрашивает своими представлениями, превращает в факт собственного сознания, то Базаров, при всей идеологической целенаправленности взгляда на вещи в начале романа, признает за этими вещами право на независимое существование, видит в них объективную данность, а не аргумент или контраргумент собственных теоретических построений. Соответственно и слово Базарова, в отличие от слова Раскольникова, содержательно и интонационно обусловлено не только внутренними побуждениями, но и контекстом, более того, очень часто это не столько идеологически ответственное, сколько *контекстуальное* слово.

Уже две первые реплики обнаруживают ситуативную чуткость и адекватность героя. «Евгений Васильев» (8, 200), — представляется Базаров Николаю Петровичу Кирсанову, стилистически обозначая свою социальную инакость и тем самым провоцируя собеседника на соответствующее самоопределение. «Ну, поворачивайся, толстобородый!» (8, 201) — грубовато-сниходительно, по-свойски и в то же время опять-таки дистанцированно бро-

¹² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 298. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Письма сокращенно обозначаются буквой «П».